

«Хранительство» Н.М. Карамзина

Сегодня имя Николая Михайловича Карамзина (1766–1826) стало олицетворением русского политического консерватизма и национализма. Но так было не всегда. В свое время замечательный исследователь истории русской культуры Г.П. Федотов в статье «Певец империи и свободы», связывая творчество Пушкина с «основным и мощным потоком русской мысли», отмечал, что «это течение – от Карамзина к Погодину – легко забывается нами за блестящей вспышкой либерализма 20-х годов. А между тем национально-консервативное течение было, несомненно, и более глубоким и органически выросшим. Оно являлось прежде всего реакцией на европеизм XVIII века, могущественно поддержанной атмосферой 1812 года. У его истоков – “История государства Российского...”» [28, с. 159].

Главным негативным итогом европеизации и во многом не критического заимствования европейского опыта явился факт образования в российском обществе двух враждебных складов жизни – факт, подлинность которого подтверждает хотя бы его констатация не только Карамзиным («...высшие степени отделились от нижних...» [13а, с. 292]), но и такими разными по своей политической ориентации мыслителями, как И.В. Киреевский и А.И. Герцен. Первый писал, что царящая в русской жизни заимствованная и «возросшая на другом корне» образованность «...есть главнейшая, если не единственная причина всех зол и недостатков, которые могут быть замечены в Русской земле» [16, с. 181]. Ему вторил Герцен, увидевший среди результатов преобразований Петра I то, что «...императоры отдали на раздробление *своей* России, придворной, военной, одетой по-немецки, образованной снаружи, – Русь мужицкую, бородатую, не способную оценить привозное образование и заморские нравы, к которым она питала глубокое отвращение» [8, с. 115].

Нужно также отметить следующее обстоятельство. Если для большинства образованных людей конца XVIII века вопрос об историческом развитии России решался с позиций того, что Россия постепенно движется по универсальной дороге прогресса, лишь запаздывая на ней по сравнению с другими народами Европы, то уже к началу XIX века идеология Просвещения оказалась скомпрометированной в результате террора Французской революции. В 1795 году Карамзин в статьях «Мелодор к Филалету», «Филалет к Мелодору» выразил и обобщил удивление русских людей и неприятие ими событий, совершившихся во Франции. Характерно, что здесь Карамзин Французскую революцию связывает уже со всей системой европейской цивилизации и европейским типом мышления: «Конец

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: jants@yandex.ru

Ермашов Дмитрий Васильевич, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. E-mail: dm_em@mail.ru

нашего века почитали мы концом главнейших бедствий человечества и думали, что в нем последует важное, общее соединение теории с практикою, умозрения с деятельностью, что люди, уверяясь нравственным образом в изящности законов чистого разума, начнут исполнять их во всей точности и под сению мира, в крове тишины и спокойствия, наслаждаться истинными благами жизни.

О Филалет! Где теперь сия утешительная система?.. Она разрушилась в своем основании!...

Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя; среди убийств и разрушения не узнаю тебя!» [11, с. 70].

В итоге Французская революция явилась тем поворотным пунктом в русском сознании, который поставил под сомнение сами основы европейской жизни и вызвал вопросы о смысле того, чего же достигли европейские народы в своем развитии. «В лице Карамзина... мы видим яркого представителя тех кругов российского дворянства, которые от... заимствования европейского опыта перешли к напряженной рефлексии об исторических судьбах родной страны. Французская революция, несомненно, стимулировала этот процесс и ввела его в консервативное русло» [26, с. 19].

* * *

«Внешняя» биография Карамзина небогата событиями. Он родился 1 декабря 1766 года в Симбирской губернии. Получив первоначальное образование дома, продолжил его в одном из московских частных пансионатов, посещал некоторые занятия в Московском университете. Далее последовала кратковременная служба в гвардии, сближение и разрыв с масонским кружком Н.И. Новикова, годичное путешествие по Европе, журналистская и издательская деятельность, а после 1803 года и до самой смерти – работа над многотомной «Историей государства Российского». Вот канва его жизни. Однако творческая эволюция Карамзина как мыслителя и как личности далеко не так размеренна и спокойна.

В отечественной исследовательской литературе долгое время господствовала довольно упрощенная схема эволюции русского историка: либерал и западник – в начале и патриот, консерватор – в конце. Приводились и соответствующие цитаты, подтверждающие «либерализм» или монархизм Карамзина. Но, как справедливо заметил Ю.М. Лотман, настоящий научный поиск не сводится к умению подбирать цитаты. С этой позиции часто цитировавшимся «либеральным» словам Карамзина: «Все *народное* ничто перед *человеческим*. Главное дело быть *людьми*, а не Славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для Руских; и что Англичане или Немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то *мое*, ибо я человек!» [11, с. 141], – можно противопоставить следующий отрывок из тех же «Писем русского путешественника» (1791): «У нас всякой, кто умеет только сказать: *comment vous portez-vous?* без всякой нужды коверкает Французской язык, чтобы с Руским не говорить по-Руски; а в нашем так называемом *хорошем обществе* без Французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? За чем быть попугаями и обезьянами вместе?» [11, с. 151].

* * *

Приведенная выше цитата о неумении русских говорить по-русски свидетельствует о том, что первые, пока еще импульсивные, выступления раннего Карамзина против европеизации были сосредоточены в области языкознания и лексических возможностей русского языка. По словам историка К.Н. Бестужева-Рюмина, «в конце XVIII, а особенно в начале XIX века, в эту пору самого сильного разгара русского европеизма, в так называемый образованной среде, древность русская была совершенно неизвестна: место отцовских

библиотек, состоявших из старых рукописей, заняли в боярских палатах собрания французских писателей XVIII века и их английских первообразов, разумеется, во французском переводе; старинное воспитание, с детства приучавшее слух к звукам языка церковно-славянского, ...отошло в область преданий; русские дети с самого нежного возраста залепетали по-французски; многие герои и думали, и говорили по-французски... В высших сферах действуют <...> галломаны, англоманы и даже враги России» [2, с. 206–207].

И в этой ситуации нельзя не оценить положительной роли Карамзина, поведшего литературную борьбу за возвращение к народным началам как в русском языке, так и в русской жизни в целом. Его первая историческая повесть «Наталья, боярская дочь» (1792) начинается словами: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу, то есть говорили, как думали?» [10, с. 55]. Бурная деятельность писателя по изданию «Московского журнала» (1791–1792), альманахов «Аониды» (1794, 1797), сборников «Пантеон российских авторов» (1802), журнала «Вестник Европы» (1802–1803) имела своим результатом невиданное для усилий одного человека достижение: он сумел, по выражению В.Г. Белинского, «заохотить русскую публику к чтению русских книг» [1, с. 139].

Кредо же Карамзина в эти годы можно выразить его же словами: «...народ унижается, когда для воспитания имеет нужду в чужом разуме»¹. Особенно возмущало писателя пренебрежительное отношение иностранцев ко всему русскому, и на «мудрое предложение одного ученого немца, сделанного им России», – забыть русский язык, он не нашел для ответа иных слов, кроме лаконичного замечания: «ум заходит за разум»². Карамзин часто сетовал на то, «как мало... моральных характеров между иностранцами в *отношении* к России! Сколько видели мы неблагодарных... едва ли один из двадцати Французов и Немцов, многим обязанных России, говорит и пишет об нас с должною справедливостию и без грубых, оскорбительных предразсудков»³. Нужно заметить, что в ответ на подобные оскорбления Карамзин не стал в свою очередь уничижительно высказываться о европейцах. Напротив, ценя все хорошее в России, он ценил его и в других странах. Примером может служить его отношение к англичанам, которые импонировали ему тем, что, в отличие от большинства русских аристократов, они «хотят лучше *свистать* и *шипеть* по-английски с самыми нежными любовницами своими, нежели говорить чужим языком, известным почти всякому из них» [11, с. 236].

При всем этом писатель был чужд крайностей появившихся чуть позднее «шишковистов», которые вслед за своим главой, адмиралом А.С. Шишковым, ратовали за строгое соблюдение норм церковнославянской грамматики в письменной и устной речи. Карамзин же стремился очистить русский язык от громоздких архаичных форм и тем самым добиться его легкости и доступности для как можно более широкого круга российских читателей.

* * *

Важное место в творческой биографии Карамзина заняло издание журнала «Вестник Европы» (1802–1804) – первого политического журнала в России,

¹ Карамзин Н.М. О новых благородных училищах, заводимых в России // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 364 [5].

² Карамзин Н.М. Мудрое предложение одного ученого Немца, сделанного им России // Вестник Европы. 1803. № 11 [5].

³ Карамзин Н.М. Об известности литературы нашей в чужих землях // Вестник Европы. 1803. № 15. С. 197 [5].

для которого характерно критическое отношение ко многим сторонам европейской политической и экономической жизни. «Вестник Европы» и предшествовавшая его изданию работа «Историческое похвальное слово Екатерине II» (1801–1802) интересны еще тем, что в них мы впервые видим более или менее сложившуюся систему консервативных «хранительных» воззрений Карамзина, построенную им в виде откликов на европейские события.

Основным предметом политических размышлений Карамзина в период 1790–1803 годов был главный факт всемирной истории XVIII века – Великая Французская революция. Он понимал, – если не на уровне причин, то на уровне следствий, – что «Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха» [14, 2, с. 96]. Пристально всматриваясь в это «явление», Карамзин пришел к выводам, позволившим ему сформулировать базовые принципы своей идеологической позиции, напрямую коррелирующей со взглядами первых европейских консерваторов: «Всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку. *Утопия* [или *Царство Щастия* сочинение Моруса – *Примеч. Н.М. Карамзина*] будет всегда мечтою доброго сердца, или может исполниться неприметным действием времени; посредством медленных, но верных, безопасных успехов разума, просвещения, воспитания, добрых нравов. Когда люди уверятся, что для собственного их счастья добродетель необходима, тогда настанет век золотой, и во всяком правлении человек насладится мирным благополучием жизни. Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот... Легкие умы думают, что все легко; мудрые знают опасность всякой перемены, и живут тихо» [11, с. 135–136]¹.

Карамзин так же как, например, автор книги «Размышления о революции во Франции» (1790) Э. Берк, главные причины революции усматривал в стремлении «новых политиков» утвердить во Франции модную представительную систему, «следствие долговременного просвещения»², осуществить желание «мечтательного равенства», которое в итоге всех французов делало «равно несчастливными»³. Критическое отношение русского писателя к политическому перевороту во Франции сопровождалось одновременно и неприятием стоящих за ним якобинских правил, отрицанием идеологии «осьмого-на-десять века, слишком рано названного *философским*»⁴. Эта, позволим себе сказать так, «нефилософскость» XVIII века, заключающаяся, по мысли Карамзина, в утопичности и излишней претенциозности умственных проектов просветителей, была доказана самой революцией, которая «объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от тиранства; что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; что самое турецкое правление лучше анархии, которая всегда бывает следствием государственных потрясений; что все смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы нравственному и политическому миру, должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными про-

¹ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 135–136.

² См.: Карамзин Н.М. Обзорение прошедшего года (Из немецкого журнала) // Вестник Европы. 1803. № 4. С. 306 [5].

³ Карамзин Н.М. Всеобщее обозрение // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 78 [5].

⁴ Там же. С. 83.

изведениями остроумия; что учреждения древности имеют магическую силу, которая не может быть заменена никакою силою ума; что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ; и что с сею доверенностию к действию времени и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя» [11, с. 248].

* * *

Из критики, направленной против рационалистической философии просветителей, органично вырастают взгляды Карамзина на республиканскую форму правления. В этой связи В.О. Ключевский тонко подметил, что сочувствие Карамзина республиканскому правлению (в «Марфе-Посаднице») – «влечение чувства, не внушение ума: политические и патриот[ические] соображения склоняли к монархии, притом к самодержавной» [17, с. 276–277]. Как считал Карамзин, революционная попытка французов воплотить в жизнь республиканские идеалы «сделала многих... почти варварами»¹ и обернулась созданием нового рода «Монархии, ограниченной только пустыми формами»². Этот факт, по мысли писателя, еще раз свидетельствует в пользу той истины, что «или людям надлежит быть Ангелами, или всякое многосложное Правление, основанное на действии различных воль, будет вечным раздором, а народ несчастным орудием некоторых властолюбцев, жертвующих отечеством личной пользе своей» [12, с. 101]. Поэтому-то провозглашает Карамзин устами князя Холмского в повести «Марфа-Посадница» (1803): «Народы дикие любят независимость, народы мудрые любят порядок, а нет порядка без власти самодержавной» [14, 1, с. 545] и «Не вольность, часто гибельная, но благоустройство, правосудие и безопасность суть три столпа гражданского счастья...» [14, 1, с. 583].

Таким образом, в антипросветительских взглядах, основанных на анализе европейских событий, видятся также и корни карамзинского монархизма. «Не за тем оставил человек дикие леса и пустыни; не за тем построил великолепные грады и цветущие села, чтобы жить в них опять как в диких лесах, не знать покоя и вечно ратоборствовать не только с внешними неприятелями, но и с согражданами; что же другое представляет нам История Республик? Видим ли на сем бурном море хотя единый мирный и счастливый остров? Мое сердце не менее других воспламеняется добродетелию великих Республиканцев; но сколь кратковременны блестящие эпохи ее? Сколь часто именем свободы пользовалось тиранство и великодушных друзей ее заключало в узы?» – вопрошает Карамзин в «Историческом похвальном слове Екатерине II» [12, с. 100].

По мнению В.О. Ключевского, «в спорах о лучшем образе правления для России он [Карамзин – Авт.] стоял на одном положении: Ро[ссия] прежде всего д[олжна] быть великою, сильною и грозною в Европе, и только самодержавие может сделать ее таковою. Это убеждение, вынесенное из наблюдения над пространством, составом населения, степенью его развития, международным положением России, К[арамзин] превратил в закон основной исторической жизни России по методу опрокинутого исторического силлогизма: самодержавие – коренное начало русского государственного *современного* порядка; следов[ательно], его развитие – основной факт русской исторической жизни» [17, с. 277].

¹ См.: Карамзин Н.М. Важный самозванец во Франции // Вестник Европы. 1803. № 11. С. 219 [5].

² Карамзин Н.М. Обозрение прошедшего года (Из немецкого журнала) // Вестник Европы. 1803. № 4. С. 306 [5].

* * *

По убеждению Карамзина, преимущество монархии перед республикой заключается не только в том, что «единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие» [12, с. 100] в обществе, но и в том, что монархическое правление «не требует от граждан чрезвычайностей, и может возвышаться на той степени нравственности, на которой Республики падают»¹. И если в «Письмах русского путешественника» Карамзин весьма сочувственно отзывался о нравах жителей швейцарских кантонов, то в период «Вестника Европы» он писал уже о «моральном падении Гельвеции». Писатель, присмотревшись к жизни Швейцарии, вместо «народной добродетели» увидел разгул «личных страстей, злобного и безумного эгоизма»², вместо идеальной республики – правление нескольких богатых землевладельцев и мещан, а вместо силы действия демократической конституции – господство золота и «торгового духа».

Эти наблюдения позволили Карамзину охарактеризовать сущность современного ему европейского сознания одной формулой – «вся Философия состоит теперь в Коммерции»³. Иными словами, объектом критики русского мыслителя с этого момента стал не только один из основных принципов европейского либерализма – индивидуализм, но и сопутствующие ему принципы свободной торговли и свободы действий.

Неприятие новых капиталистических отношений, проникнувших в самые основы устройства многих западных республик, вылились на страницах «Вестника Европы» в саркастические и порой беспощадные оценки буржуазного образа жизни. Так, в статье «Известие о нынешнем состоянии Республики Рагузы» Карамзин отмечает, что в некогда славной своей умеренностью области «исчезли истинные граждане: остались одни купцы, для которых железный сундук был идолом, контора отечеством, любовь к богатству единственным чувством»⁴. В заметке «Общества в Америке» он указывает на «дух торговли» как главную причину того, что «все стараются приобретать. Богатство с бедностью и рабством является в разительной *противности* (contraste)»⁵.

Следствием всего этого, предсказывал Карамзин, будут неизбежные конфликты и военные столкновения между государствами: «Может быть, я обманываюсь; но мне трудно верить бескорыстию нового купца – и народа, который начинает вновь торговать»⁶. И как раз в столкновении экономических интересов Англии и Франции он находил одну из основных причин политического противостояния этих стран в начале 1800-х годов.

Интересна в данной связи также статья Карамзина «Английская промышленность», в которой автор, описывая подготовку англичан к войне, выделял в качестве одного из признаков английской «купеческой системы» такое явление, как (воспользуемся современной терминологией) милитаризация экономики: «Всякий лавочник хочет торговать вещами, потребными для воинского стана, и находит способ иметь двойной барыш. Любопытно

¹ Карамзин Н.М. Швейцария // Вестник Европы. 1802. № 20. С. 320 [5].

² Там же. С. 319.

³ Карамзин Н.М. Новая политика // Вестник Европы. 1802. № 3. С. 7 [5].

⁴ Карамзин Н.М. Известие о нынешнем состоянии Республики Рагузы // Вестник Европы. 1802. № 17. С. 60 [5].

⁵ Карамзин Н.М. Общества в Америке (Перевод с манускрипта) // Вестник Европы. 1802. № 24. С. 315 [5].

⁶ Карамзин Н.М. Что выгоднее для Европы в нынешнюю войну: падение Франции или Англии? // Вестник Европы. 1803. № 21–22. С. 120 [5].

видеть, как все механические искусства пользуются сем случаем для своей выгоды»¹. Как полагал Карамзин, основой такого рода деятельности была «новая политика» европейских стран, суть которой сводилась к эгоистичным и циничным лозунгам: «О граждане, граждане! сперва деньги, а после добродетель!»².

Итак, демонстрируя растлевающую роль духа торговли, Карамзин убеждал русских читателей, что стяжательство и жажда богатства губят добродетели, что буржуазные отношения уничтожают человеческую личность и вносят раздор и вражду в жизнь обществ и государств.

* * *

И еще одну проблему, которую поднимал на страницах «Вестника Европы» Карамзин, нельзя, на наш взгляд, обойти вниманием. Речь идет о пропаганде издателем журнала чувств патриотизма и «народной гордости». Стремление Карамзина оградить Россию от духовного влияния революционного буржуазного Запада привело его к необходимости создания и осуществления программы, если так можно выразиться, патриотического воспитания граждан. Обыкновенные русские люди, заявлял Карамзин, в отличие от англоманов, галломанов и прочих космополитов, не могут «парить умом выше низкого Патриотизма»; «мы стоим на земле, и на земле Руской, – писал он, – смотрим на свет не в очки Систематиков, а своими природными глазами»³, и поэтому нам вовсе не нужно следовать советам «иностранных глубокомысленных политиков», которые, «говоря о России, знают все, кроме России» [11, с. 270].

Заявив, что «россияне одарены от природы всем, что выводит народы на высочайшую степень гражданского величия» [11, с. 255], Карамзин поставил перед литературой задачу нравственного воспитания русского народа, ибо патриотизм, «патриотическая ревность» есть «государственная добродетель» и «вернейшая опора политических или государственных прав»⁴. И литература, посредством чувств прекрасного и доброго вызывающая любовь к тишине и порядку в своем отечестве, должна в этом отношении стать главным проводником «народного самолюбия» и народной гордости у россиян. При этом роль литературы и просвещения, по мнению Карамзина, тем более весома, что патриотизм является сознательной любовью к родине: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Он требует рассуждения – и потому не все люди имеют его» [11, с. 232].

Однако, признавал Карамзин, русские пока еще «излишне *смирены* в мыслях о народном своем достоинстве, – а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут» [11, с. 233].

Причем в характеристике Карамзиным патриотизма нет «слепой страсти». По верному замечанию Бестужева-Рюмина, Карамзина в высокой степени отличал «истинный патриотизм, состоящий не в том, чтобы без разбора хвалить все, особенно то, что льстит вкусу дня... а в том, чтобы по совести сказать правду» [3, с. 112]. Карамзин предостерегал русское общество не только от национального самоуничижения, но и от патриотического ослепления в оценке достоинств собственной нации. «Народ ни мало не выигрывает, доказывая, что его совмест-

¹ Карамзин Н.М. Английская промышленность: Письмо из Лондона // Вестник Европы. 1803. № 21–22. С. 34–35 [5].

² Карамзин Н.М. Новая политика // Вестник Европы. 1802. № 3. С. 1 [5].

³ Карамзин Н.М. О Российском Посольстве в Японию // Вестник Европы. 1803. № 11. С. 167–168 [5].

⁴ См.: Карамзин Н.М. О новом образовании народного просвещения в России // Вестник Европы. 1803. № 5. С. 54 [5].

ник презрителен»¹, – утверждал он, обосновывая мысль о том, что национальная гордыня не является народным достоинством. Заклучая свои размышления о патриотизме, Карамзин в статье «О любви к отечеству и народной гордости» подчеркивал важность своевременного прекращения безоглядного заимствования европейского опыта: «Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть сам собою, чтобы сказать: “Я существую морально!”. Теперь мы уже имеем столько знаний и вкуса в жизни, что могли бы жить, не спрашивая: как живут в Париже и в Лондоне? Что там носят, в чем ездят и как убирают дома? Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегдашним учеником!» [11, с. 236–237].

Таким образом, мы видим уже сознательную и аргументированную позицию русского писателя, выразившуюся в признании необходимости особого для каждого народа пути развития. В свете этого становится понятным факт уединения, как писал А.С. Пушкин, «в ученый кабинет во время самых лестных успехов» [25, с. 45] – факт обращения Карамзина к истории и прежде всего к истории России, в которой он попытался отыскать главную традицию, главную «особенность нашей гражданской жизни», дававшую бы возможность говорить о том, в каком направлении движется Российское государство.

«Что есть *История*? – задает вопрос Карамзин и сам же отвечает: – память прошедшего, идея настоящего, предсказание будущего»².

К занятию историей подталкивали писателя и принципы, заявленные им в рамках программы патриотического воспитания граждан: «Я не верю той любви к отечеству, которая презирает его летописи или не занимается ими: надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно иметь сведение о прошедшем»³. Иначе говоря, убеждение в том, что «русский, по крайней мере, должен знать цену свою» [11, с. 233], а также осознанная потребность в поиске и обосновании особого пути развития России, отличного от наполненного революционным хаосом пути европейского, обусловили переход Карамзина от литературной деятельности к многолетним историческим изысканиям.

* * *

Одной, а может быть, и главной причиной, побудившей Карамзина заняться историей, было стремление обосновать закономерность и необходимость для блага России самодержавия. Не случайно политические выводы, доказывающие преимущества самодержавия – «лучшей» формы государственного устройства для России (ее «палладиума») и одновременно гаранта сохранения «святой веры», прямо следовали из его исторических выкладок. Именно в самодержавии он видел единственную силу, способную удержать российское общество от впадения в крайности революционных разрушений и массовых беззаконий.

Первое сугубо историческое сочинение русского мыслителя «Историческое похвальное слово Екатерине II» (1802) было одновременно и его первым политическим трактатом, содержащим в себе монархическую программу автора. Главная мысль этой созданной Карамзиным концепции русской «просвещенной монархии» заключается в словах: «Сограждане! признаем во глубине

¹ Карамзин Н.М. Английское великодушие (Из французского журнала) // Вестник Европы. 1803. № 2. С. 92 [5].

² Карамзин Н.М. Вопросы и ответы // Вестник Европы. 1802. № 8. С. 357 [5].

³ Карамзин Н.М. О случаях и характерах в Российской Истории, которые могут быть предметом Художеств. Письмо к Господину N.N. // Вестник Европы. 1802. № 24. С. 290 [5].

сердце благодетельность Монархического Правления... Сие Правление тем благотворнее, чем оно соединяет выгоды Монарха с выгодами подданных: чем они довольнее и счастливее, тем власть Его святее и Ему приятнее. Оно всех других сообразнее с целию гражданских обществ: ибо всех более способствует тишине и безопасности» [12, с. 101].

То, что декларировалось писателем в «Историческом похвальном слове Екатерине II», было аргументировано им в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811), а затем и в «Истории государства Российского» (1816–1829). Нужно заметить, что «Историческое похвальное слово Екатерине II» характеризует не только литературный стиль эпохи, но шире – стиль консервативного «хранительного» мышления. Содержание консервативного «хранительного» политического дискурса в России всегда определяла национальная идея, синтезирующая патриотизм (соединяющий любовь к Родине в географическом значении с любовью к «русскому духу» – традициям, обычаям, ценностям и идеалам русского народа, сформировавшимся и освященным многовековой историей борьбы за национальное самоопределение в сильном монархическом государстве) и духовную свободу в истинном православии. Великий путь России «от колыбели до величия полного», который Карамзин описал в многотомной «Истории государства Российского»; историко-политический анализ проблем России начала XIX века в записке «О древней и новой России...»; его представления об «идеальном самодержавии» как панацее России от внутренних войн и раздоров дополняются в «Историческом похвальном слове Екатерине II» характеристикой эпохи царствования Великой Екатерины, осуществившей на практике идеал самодержавного правления.

Карамзин высоким «штилем», но основываясь только на реальных событиях и фактах эпохи, демонстрирует силу государства и величие русского духа, парадоксальным образом воплотившиеся в императрице, немке по происхождению, сочетавшей либеральные устремления в управлении и культуре с жесткостью по отношению к внешним и внутренним врагам империи.

У читателей этого панегирического по сути произведения Карамзина может возникнуть впечатление, что историческое обоснование необходимости самодержавия для России Карамзин свел к попытке «придать внешний блеск и оживление тому, что дряхлело» (выражение А.А. Кизеветтера) [15, с. 20]. Однако это не так. Карамзин доказывал выгоды абсолютной власти не просто для утверждения уже существовавшего самодержавия со всеми его недостатками, но главным образом для укоренения в сознании русских людей идеи монархической власти как подлинно самобытного русского начала, предопределившего величественное развитие России на много десятилетий вперед.

Заявляя о защите Карамзиным того, что «дряхлело», Кизеветтер при этом упустил из вида следующее, на наш взгляд, немаловажное обстоятельство. Карамзин понимал под самодержавием не просто неограниченную единоличную власть монарха. Термин «самодержеце», входивший в титул русского царя еще со времен Московской Руси, выражал в первую очередь то, что монарх не является чьим-либо данником (конкретно в ту эпоху – хана), то есть он – суверен, при этом не обязательно обладающий правом на произвол и безответственность. Неограниченную верховную власть одного человека самодержавие стало означать позднее, с царствования Иоанна Грозного. Эту сторону царской власти Карамзин интерпретировал всего лишь как вторичный ее атрибут – хотя и важный, но все же производный, сопутствующий, – выдвинув на первый план трактовку самодержавия как проявления могущества и политической независимости государства.

Иными словами, Карамзин призывал учитывать в анализе политики самодержавия не только его институциональные характеристики, но и реальные ре-

зультаты функционирования. А последние приводили Карамзина к признанию исторической правоты самодержавия, не раз спасавшего Россию от гибели и имеющего, на взгляд историка, все возможности для того, чтобы и дальше вести государство по неизведанным путям истории.

* * *

Карамзин писал свою «Историю» «для русских, для своих соотечественников» [21, с. 452]. По воспоминаниям немецкого путешественника, побеседовавшего летом 1824 года с Карамзиным, он услышал от того следующее: «Из всех литературных произведений народа изложение истории его судьбы более всего должно вызвать его интерес и менее всего может иметь общий, не строго национальный характер. Историк должен ликовать и горевать со своим народом» [21, с. 453]. В одном из писем к И.И. Дмитриеву можно найти еще более откровенное признание: «Я писал для Русских, для купцов Ростовских, для владельцев Калмыцких, для крестьян Шереметева... а не для Западной Европы» [22, с. 281]. Перед нами очевидное, во всеуслышание заявленное стремление Карамзина доказать своей «Историей...» российскому обществу, что у нас есть собственное прошлое и собственная традиция. Этой традицией является российская государственность, имеющая своей основой принцип самодержавия, в силу которого «Россия развилась, окрепла и сосредоточилась». «Или вся Новая история должна безмолвствовать, или Российская имеет право на внимание» [13, 1, с. X], гордо заявлял автор в знаменитом предисловии к «Истории...».

* * *

Как уже отмечалось, изучение прошлого страны было продиктовано желанием русского мыслителя исторически обосновать тезис о том, что «самодержавие есть палладиум России» [13а, с. 344].

Не случайно анализ отечественной истории Карамзин начал с описания «беспримерного в летописях случая» [13, 1, с. 67] – призвания варягов, основополагающего, по его мнению, факта всего исторического развития России. Слова новгородцев: «Хотим князя, да владеет и правит нами по закону» [13, 1, с. 142], – были, как утверждал Карамзин, не только основанием монархического устава древнего Российского государства. Историк особо выделил то, что «езде меч сильных или хитрость честолюбивых вводили самовластие <...> в России оно утвердилось с общего согласия граждан» [13, 1, с. 67].

Тем самым Карамзин обосновывал мысль об отсутствии в социальном строе России каких бы то ни было зачатков будущих общественных или политических конфликтов. Факт добровольного и всенародного образования монархического государства свидетельствовал, по мысли историка, о существенных различиях России и Европы в самих своих государственных основах. Образование европейских стран путем завоеваний было главной причиной того, что Запад к началу XIX века прошел уже через Нидерландскую, Английскую и Французскую революции. Поэтому, полагал Карамзин, у России, не имеющей в своих исторических истоках каких-либо революционных начал, должен быть свой, совершенно особый и отличный от европейского, мирный путь развития.

Тем не менее создатель первой нашей отечественной истории не отделял ее от истории остальных стран. Для Карамзина Россия всегда представляла в виде державы, которая «величественно возвышала главу свою на пределах Азии и Европы» [13, 6, с. 213]. Рассказывая о введении христианства на Руси, он подчеркивал, что оно укоренилось у нас «почти в одно время с землями сосед-

ственными: Венгриєю, Польшею, Швециєю...» [13, 6, с. 126]. «Удельную» систему в России историк называл «государственной общей язвой тогдашнего времени, которую народы Германские сообщили Европе» [13а, с. 280]. Карамзин видел в историческом движении народов «какое-то согласное течение мирских случаев к единой цели... связь между оными для произведения какого-нибудь действия, изменяющего состояние рода человеческого» [13, 6, с. 210]. Как говорил Вяземский, «Карамзин, не мудрствуя лукаво, провел Русскую историю широкими путями Провидения» [6, с. 362], не притязая на проникновение в общий смысл мирового хода событий.

Однако, несмотря на подобный провиденциалистский подход к истории, русский мыслитель не думал, что Россия является антитезой Европы. Он подчеркивал, что в проявлениях скрытого от людей замысла Провидения историк может видеть лишь действия разных и непохожих друг на друга народов, но никак не должен судить о том, кто лучше и кто хуже, «ибо сие мудрование несвойственно здравому смыслу человеческого» [13, 5, с. 222].

Конечно, как признавался сам Карамзин, он «не всегда мог скрыть любовь к Отечеству... Но не обращал пороков в добродетели; не говорил, что Русские лучше Французов, Немцев, но люблю их более: один язык, одни обыкновения, одна участь, и пр.» [20, с. 206]. В одном из писем к императору Александру I от 10 марта 1824 года Карамзин, прямо указывая на свою беспристрастность, замечал, что в его «Истории...» «нет, кажется, ни слова обидного для *народа*; описываются только худые дела *лиц*... Я не щадил и Русских, когда они злодействовали и срамились» [20, с. 29]. При всей своей любви к родине историк не проходил мимо «общественных злодейств», и если в России было, например, лихоимство, то он честно заявлял об этом. Так, в «Истории государства Российского» Карамзин не скрывал варварских черт в характере россиян, когда они порой заражались «язвою разврата», и описывал праздность русских и их пристрастие к крепким напиткам, языческие обычаи и ереси, распутство и корыстолюбие, излишние жестокости и «окаменение сердец» [13, 6, с. 62; 13, 11, с. 52; 13, 9, с. 273; 13, 11, с. 71; 13, 12, с. 75].

Но в этом правдивом изображении событий и заключается, по мнению историка, истинная любовь к отечеству, чья судьба «и в славе, и в унижении равно для нас достопамятна» [13, 2, с. 39].

Тем не менее необходимо признать, что Карамзин все же не избежал упреков и даже обвинений в адрес иноземцев, и в первую очередь европейцев. В «Предисловии» мы видим, как автор особо подчеркивал мирное освоение россиянами новых земель – «без насилия, без злодейств, употребленных другими ревнителями христианства в Европе и Америке» [13, 1, с. X]. На страницах многих томов «Истории...» можно прочесть строки, посвященные описанию «низкой, завистливой политики Ганзы и Ливонского ордена» [13, 8, с. 70], «грязных» попыток папы и иезуитов обратить россиян в латинство и втравить их в ненужную войну с турками [13, 7, с. 61; 13, 9, с. 190; 13, 10, с. 109; 13, 12, с. 89]. Укорял историограф и лютеран в «примесах мудрований человеческих, несогласных с простотою Евангельскою» [13, 7, с. 131]; ставил им как образец «чистоту и неприкосновенность греческого вероисповедания» [13, 7, с. 61]; советовал немцам следовать примеру россиян, «которые довольствуются подданством народов, оставляя им на волю верить или не верить Спасителю» [13, 3, с. 90].

Отсюда понятно особое отношение Карамзина к Православию. По его мнению, «история подтверждает истину... что вера есть особенная сила государственная» [13, 5, с. 224]. И в этом отношении православная набожность русских оказала государству величайшую услугу. «Прославим действие веры, – писал историк в томе, содержащем описание России времен татаро-монгольского

ига, – она удержала нас на степени людей и граждан <...> в унижении имени русского мы возвышали себя именем христиан, и любили отечество как страну православия» [13, 5, с. 218].

* * *

Следует подчеркнуть то, что Карамзин, не отделяя Россию от европейской цивилизационной системы, отводил ей совершенно особое место в этой системе, указывая на то обстоятельство, что европейские народы в своем развитии шли приблизительно одним общим путем, тогда как россияне – своим собственным, причем более трудным.

Особенно ярко своеобразие России как самодержавного государства выразил историк на примере деятельности Петра I. В шестом томе «Истории...» автор, сравнивая Иоанна III с Петром, впервые публично поставил вопрос о том, «кто из сих двух венценосцев поступил благоразумнее и согласнее с пользою отечества» [13, 6, с. 216]. По его мнению, «Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы и ревностно заимствуя искусства образованных народов, не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных» [13, 6, с. 216]. Петр поступил наоборот, чем нанес неисчислимый вред России. Карамзин вовсе не отрицал, что Европа начиная с XI века далеко опередила нас в своем развитии: «Сень варварства, омрачив горизонт России, сокрыла от нас Европу в самое то время, когда благодетельные сведения и навыки более и более в ней размножились... Россия, терзаемая моголами, напрягала силы свои единственно для того, чтобы не исчезнуть: нам было не до просвещения!» [13, 6, с. 216].

В записке «О древней и новой России...», которую М.П. Погодин охарактеризовал как «важнейшее государственное сочинение», стоящее «Политического завещания Ришелье» [24, с. 69], Карамзин указывал, что при неравном соотношении уровней развития Запада и России заимствования европейской культуры вполне возможны, и такие заимствования стали обычными уже в допетровское время: «царствование Романовых: Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению Россиян с Европою». Но, как подчеркивал Карамзин: «Сие изменение делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия. Мы заимствовали, но как бы **нехотя**, применяя все к нашему и новое соединяя со старым» [13а, с. 290]. При Петре I «все переменялось». Страсть этого самодержца «к новым для нас обычаям переступила в нем границы благоразумия». Петр, например, «искореняя древние навыки, представлял их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные» [13а, с. 291], делал это в основном с помощью пыток и казней; при Петре произошло расслоение русского, единого до того народа: «...высшие степени отделились от нижних, и Русский земледелец, мещанин, купец увидел Немцев в Русских дворянах ко вреду братского, народного единодушия Государственных состояний». То есть общество раскололось на две субкультуры – «немецкую» и «традиционно-русскую». Петр уничтожил достоинство бояр, изменил систему государственного управления. «Честью и достоинством россиян сделалось подражание». В области семейных нравов «европейская вольность заступила место азиатского принуждения». Ослабили родственные связи: «имея множество приятелей, чувствуем менее нужды в друзьях и жертвуем свету союзом единокровия» [13а, с. 292].

Петр уничтожил патриаршество и объявил себя главою церкви, ослабив тем самым веру, «а с ослаблением веры Государь лишается способа владеть сердцами народа в случаях чрезвычайных, где нужно все забыть, все оставить для Отечества и где Пастырь душ может обещать в награду один венец мученический» [13а, с. 294]. Петр перенес столицу государства на окраину, построив

ее на песке и болотах и положив на это множество людских жизней, денег и усилий [13а, с. 295]. В результате всего этого, заключает Карамзин, «мы стали гражданами мира, но перестали быть в некоторых случаях гражданами России» [13а, с. 293].

Он подчеркивал, что «Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество Государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух <...> есть не что иное, как привязанность к нашему особенному; не что иное, как уважение к своему народному достоинству» [13а, с. 291]. И в этом, по утверждению Карамзина, главная ошибка «великого венценосца», ибо «государство может заимствовать от другого полезные сведения, не следуя ему в обычаях» [13а, с. 291–292].

Подобные взгляды историка основывались на твердом убеждении, что государства и народы «могут стоять на одной степени гражданского просвещения, имея нравы различные» [13а, с. 291]. В этом, на наш взгляд, суть карамзинского принципиального подхода к «мудрой» монархической власти. Карамзин был уверен в том, что предписывать народным обычаям, которые «естественно изменяются», насильственные уставы «есть насилие, незаконное и для Монарха Самодержавного» [13а, с. 292].

Таким образом, степень вмешательства государственной власти в сферу народных привычек, обрядов, верований, иными словами, в сферу частной жизни и личного достоинства отдельного человека была для русского мыслителя той чертой, за которой заканчивается самодержавие и начинается деспотизм [см.: 18, с. 201–202]. «Тирания есть только злоупотребление самодержавия, – писал Карамзин в «Истории...», – самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где обязанность, там и закон: никто же и никогда не сомневался в обязанности монархов блюсти счастье народное» [13, 7, с. 121].

С точки зрения Карамзина, требования идеального самодержавия осуществила Екатерина II, и это зависело не только от личности императрицы, но и от общего уровня политического развития. Прежде всего Екатерина обходилась без «средств жестоких», то есть «без казни, без пыток, влияв в сердца министров, полководцев, всех государственных чиновников живейший страх сделаться ей неугодным и пламенное усердие заслуживать ее милость» [13а, с. 298]. Она допустила свободу высказываний по отношению к ней и к ее мероприятиям, она деятельно работала над усовершенствованием всех внутренних частей «нашего здания Государственного» и вела национальную внешнюю политику, но самое главное – Екатерина не требовала от россиян ничего противного их совести и гражданским навыкам. Всего этого достаточно, чтобы Карамзин определил екатерининское царствование как «время... счастливейшее для гражданина Российского» [13а, с. 300].

* * *

Итак, «счастье гражданина», «счастье народное» – вот главная цель государственной власти; и народ как главный носитель национальных традиций является гарантом этой власти, силой, способной решать судьбу самодержавия. В изображении Карамзина русский народ предстает в единстве национального духа, и правители народа лишь носители этого духа, воплощающие в себе лучшие черты национального характера. Причем значение государственного деятеля определяется степенью его связи с народом, и только в ситуации союза власти с народом силы государства удесятерятся.

Одна из главок девятого тома «Истории государства Российского» названа им «Любовь россиян к самодержавию». Как думал Карамзин, эта «любовь» является главным доводом в пользу российского самодержавия,

так как русский народ даже в годы тирании Иоанна Грозного понимал необходимость и спасительность монархии для России, считая «власть государю властью божественною» [13, 9, с. 98]. В непоколебленной деспотией вере российских подданных в самодержавное правление Карамзин усматривал главную «силу государственную». И во многом для того, чтобы укрепить ее, он писал «Историю...», показывая ужасы и пагубу самовластия [4, с. 61], ибо «вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели» [13, 9, с. 250].

Истинное, «мудрое» самодержавие рисовалось Карамзину как равнодействующая и созидательная сила, подчиняющая интересам государства аристократию и олигархию, уничтожающая разъединительные тенденции в обществе и предотвращающая анархию. Утверждая, что «наше правление есть отеческое, патриархальное», историк полагал, что «в России государь есть живой закон» и судит, как отец семейства, без протокола – «по единой совести» [13а, с. 343]. Истинная монархия, по Карамзину, предполагая безграничную власть самодержца, основывается на его личных добродетелях. Поэтому самодержавная власть – это всегда *испытание* ее носителя, преодолевающего искусы абсолютной власти, способной развратить любого человека.

Чем же в таком случае должна быть связана воля самодержца? Ответ на этот вопрос мы находим уже в первых томах «Истории...»: «Правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной Политики» [13, 4, с. 147]. Единственным средством охранения подданных от злоупотреблений власти Карамзин считал совесть монарха и создавшиеся традиции. Определяют границы самовластия монарха, с одной стороны, высокие нравственные качества самодержца, с другой – «дух народный». Ничто другое не должно ограничивать волю самодержца, никому и ни в чем не дающего ответа и ни перед кем не ответственного.

Не отрицая взаимовлияния разных стран и народов, в частности сближения россиян с Европой, Карамзин выступает резко против вмешательства государства в «домашнюю жизнь» народа. В этой связи, интересна карамзинская характеристика гражданского образа Древней России, в котором соединились черты Востока и Запада. Образ этот, по Карамзину, не что иное как смесь: 1) древних восточных нравов (славян и монголов), 2) византийских (заимствованных вместе с христианской верой) и 3) «некоторых германских, сообщенных им варягами». Утехи рыцарские и дух местничества – германские обычаи, «заключение» женского пола и строгое холопство – азиатские обычаи, царский двор уподоблялся византийскому. Эта смесь в нравах, «произведенная случаями, обстоятельствами, казалась нам природною и россияне любили оную, как свою народную собственность» [13а, с. 284].

В этой любви все дело. Главное не степень индивидуальной свободы или псевдолиберальной «толерантности», прагматизма или практицизма, но то, что качества русских людей – идеализм или духовность, стихийный аполитизм или нежелание «государствовать», «царистские иллюзии» или мессианство – органически вырастают из особенностей истории народа. Их «природный» характер сводит на нет все критические эскапады русофобов, которые, говоря о «русских чертах», обычно сводят «русскость» к рабской психологии, отсутствию чувства собственного достоинства, нетерпимости к чужому мнению, холуйской смеси злобы, зависти и преклонения перед чужой властью; любви к сильной, жестокой власти и самой жестокости власти, «тоске по Хозяину»; мечтаниям о какой-то роли или миссии России в мире, желанию чему-то научить других, указать какой-то новый путь или даже спасти мир [цит. по: 31, с. 292–293; см. также: 19].

* * *

Взгляды Карамзина на сущность русского самодержавия, которое, по его убеждению, неотделимо от самой «метафизической природы» России, в сконцентрированном виде можно охарактеризовать его словами из письма к П.А. Вяземскому: «Россия не Англия, даже и не Царство Польское: имеет свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорее может упасть, нежели еще более возвеличиться. Самодержавие есть душа, жизнь ее, как республиканское правление было жизнью Рима» [23, с. 60]. Эксперименты здесь не годятся, уверял Карамзин. Каждый народ в своем историческом бытии реализует присущий только ему тип культуры, в основе которой лежит создание национальной государственности. А история показывает, что «Россия основалась победами и единоначалием, гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием» [13а, с. 284].

В связи с этим можно утверждать, что политическое кредо Карамзина не просто «консерватизм» в европейском смысле этого слова [см. подр.: 32; 33], но – «хранительство»¹. Тяга к «хранительству» («чтобы ничего не переносить, ничему не подражать, а все развивать из того, что есть, и не разрушая того, что есть» [27, с. 40]) обусловила особенности мировосприятия Карамзина, определившие весь внутренний строй его произведений. В своих трудах Карамзин прямо требовал «более мудрости хранительной, нежели творческой» в политике [13а, с. 314], и воспевал самодержавие и гений государя – хранителя государства Российского [12, с. 135]. Именно он стал инициатором консервативного «хранительного» разворота, который ознаменовался переменой европейских приоритетов на национально-русские. Именно он положил начало «хранительному» направлению социально-политической мысли, имевшему огромное влияние в России. Произведенный Карамзиным синтез политических принципов самодержавия и гуманистических идей трансформировался в концепциях русских консерваторов позднего времени в еще более «хранительную» по духу и букве систему, содержащую в себе как идеи абсолютной власти, так и высшие нравственные, преимущественно православные, ценности. Примером могут служить труды М.П. Погодина, С.П. Шевырева, К.С. и И.С. Аксаковых, К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова и многих других русских мыслителей.

¹ Концепция русского «хранительства» была предложена М.А. Маслиным и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Ширинянцем и др. См.: [9; 37; 36 и др.]. Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализована в антологии «Хранители России» [29; 30].

Литература

1. *Белинский В.Г.* Статьи о Пушкине. Статья вторая // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 7. С. 132–222.
2. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Карамзин как историк // *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. СПб.: Тип. В.С. Балашова, 1882. С. 205–230.
3. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Патриотическое чувство в «Истории» Карамзина // Николай Михайлович Карамзин. Его жизнь и сочинения: Сборник историко-литературных статей. 3-е изд., доп. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. URL: http://imwerden.de/pdf/karamzin_ego_zhizn_i_sochineniya_sbornik_sostavil_pokrovsky_1912_text.pdf
4. *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* «Опровергнутые верным рассказом событий» // *Вацуро В.Э., Гиллельсон М.И.* Сквозь «умственные плотины»: Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. 2-е изд., доп. М.: Книга, 1986. С. 59–64.
5. Вестник Европы. 1802–1803. URL: <http://imwerden.de/razdel-2046-str-1.html>
6. *Вяземский П.А.* Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина // *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1879. Т. 2. URL: http://imwerden.de/pdf/vyazemsky_polnoe_sobranie_tom02_1879.pdf
7. *Герцен А.И.* С того берега // *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. VI: С того берега. Статьи. Долг прежде всего. 1847–1851. С. 8–142.
8. *Герцен А.И.* Крещеная собственность // *Герцен А.И.* Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. XII. Произведения 1852–1857 годов. С. 94–117.
9. *Ермашов Д.В., Шириняц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 5–22.
10. *Карамзин Н.М.* Записки старого московского жителя. М.: Московский рабочий, 1988.
11. *Карамзин Н.М.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
12. *Карамзин Н.М.* Историческое похвальное слово Екатерине II // *Ермашов Д.В., Шириняц А.А.* У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М.: Изд-во Московского университета, 1999. С. 81–136.
13. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 4 кн., 12 т. 5-е изд. СПб.: И. Эйнерлинг, в тип. Э. Праца, 1842–1843. Репринт. воспроизв. М.: Книга, 1988–1989.
- 13а. *Карамзин Н.М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // *Карамзин Н.М.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
14. *Карамзин Н.М.* Соч.: в 2 т. Л.: Художественная литература, 1984.
15. *Кизеветтер А.А.* Н.М. Карамзин // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 1. С. 9–26.
16. *Киреевский И.В.* Отрывки // *Киреевский И.В., Киреевский П.В.* Полн. собр. соч.: в 4 т. Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. Т. 1: Философские и историко-публицистические работы. С. 181–199.
17. *Ключевский В.О.* Н.М. Карамзин // *Ключевский В.О.* Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1989. Т. 7. С. 274–279.
18. *Лотман Ю.М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» Карамзина – памятник русской публицистики начала XIX века // *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: в 3 т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. С. 194–206.
19. *Мыркова А.В., Сетов Н.Р., Сорокопудова О.Е., Топычканов А.В., Осадченко З.Н., Шириняц А.А., Шутов А.Ю.* Русский вопрос и линия русофобии в истории политики и политической мысли Европы XIX века // Русский вопрос в истории политики и мысли: Антология. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 5–58.
20. Неизданные сочинения и переписка Н.М. Карамзина. СПб.: в тип. Н. Тиблена и комп., 1862. Ч. 1. URL: http://imwerden.de/pdf/karamzin_neizdannoe_i_perepiska_ch1_1862_text.pdf
21. Николай Михайлович Карамзин у графа Н.П. Румянцева в 1824 г. // Русская старина. 1890. Т. 67. № 9. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book201814/#page/460/mode/1up>
22. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1866.
23. Письма Н.М. Карамзина к князю П.А. Вяземскому. 1810–1826 (Из Остафьевского архива). СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1897.
24. *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1866. Ч. 2. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book579651/#page/71/mode/1up>
25. *Пушкин А.С.* Отрывки из писем, мысли и замечания // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7: Критика и публицистика. С. 38–45.
26. *Соловьев Э.Г.* О некоторых особенностях формирования консервативного идейного комплекса в России: К постановке проблемы // Проблемы общественно-политической мысли в зеркале новой российской политологии [Сб. ст.]. М.: ИМЭМО, 1994. С. 3–47.
27. *Страхов Н.Н.* Спор об общем образовании // *Страхов Н.Н.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 39–43.
28. *Федотов Г.П.* Певец Империи и свободы // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры): в 2 т. СПб.: София, 1991. Т. 2. С. 141–162.
29. Хранители России: Антология. М.: Паблис, 2015. Т. 1: Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв.
30. Хранители России: Антология. М.: Паблис, 2015. Т. 2: В поисках нового... консерватизма.

31. *Шафаревич И.Р.* Русофобия // *Шафаревич И.Р.* Есть ли у России будущее? М.: Советский писатель, 1991. С. 389–486.
32. *Ширинянц А.А.* «Консерватор», «консерватизм», «консервативный» в русской социально-политической мысли XIX века // *Sensus Historiae*. Vol. XX (2015/3). S. 27–35.
33. *Ширинянц А.А.* «Консерватор»: слово и смыслы в русской социально-политической мысли XIX века // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2015. № 6. С. 112–124.
34. *Ширинянц А.А.* Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). М.: Изд-во Московского университета, 2011.
35. *Ширинянц А.А.* О специфике истории социально-политической мысли России // *Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления: Материалы международной научной конференции*. Москва, 28–29 октября 2010 г. / [Отв. ред. В.В. Шелохаев]. М.: РОССПЭН, 2011. С. 536–546.
36. *Ширинянц А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. М.: Русский мир, 2008.
37. *Ширинянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2006. № 4. С. 69–87.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Н.М. Карамзина на сущность русского самодержавия. Показано, что в начале XIX века европейские устремления мыслящей части русского общества сменились осознанием того, что любые попытки приблизить Россию к европейской цивилизации не должны вести к утрате ее собственных национальных начал и духовных ценностей. Консервативный «разворот» в России ознаменовался переменой европейских приоритетов, источников политической мысли, в которых русские теоретики находили вдохновение для своих консервативных воззрений. Инициатором консервативного «хранительного» разворота русской социально-политической мысли стал историк и мыслитель Николай Михайлович Карамзин (1766–1826). Именно он поставил во главу угла в политике «мудрость хранительную» и осуществил в своих трудах синтез политических принципов самодержавия и гуманистических идей. Анализ «Исторического похвального слова Екатерине II», записки «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении», «Истории государства Российского» и других произведений Н.М. Карамзина показывает, что карамзинский вариант «хранительного» консерватизма – это не просто прагматически-политическая доктрина, выражавшая интересы лишь узкокорпоративного придворного круга, «официальную догму», это начало консервативного направления социально-политической мысли, имевшее огромное влияние в России, а сам Н.М. Карамзин по праву является отцом-основателем русского политического консерватизма.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, русское самодержавие, русский консерватизм, «хранительство».

Aleksandr Shiriniants, Ph.D. in political science and in philosophy; Professor; Head of Department, Department of History of Social and Political Teachings, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: jants@yandex.ru

Dmitry Ermashov, Ph.D. in political science; Associate Professor, Department of History of Social and Political Teachings, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. E-mail: dm_em@mail.ru

The Idea of “Khranitel'stvo” in N. Karamzin

Abstract. The article gives an overview of N.M. Karamzin's vision of the essence of Russian absolutism (samoderzhavie). It shows that in the beginning of the 19th century, European orientation of the intellectual part of Russian society gave way to the conviction that any attempt to bring Russia closer to European civilization should not lead to the loss of its own national roots and spiritual values. Conservative “turnaround” signified the substitution of European priorities and sources of political notions, that previously used to inspire Russian conservative authors. Nicolai Karamzin (1766–1826), Russian historian and thinker, initiated protective conservative turnaround of Russian social-political ideas. He was the one, who made “protective wisdom” the key-stone of politics and managed to unite the principles of samoderzhavie with ideas of humanism. The analysis of “Historical Commendations on Catherine II”, notes on “Ancient and Modern Russia in relation to its political and civil state”, “History of the Russian State” and other Karamzin writings proves that his concept of “preserving” (“khranitel'stvo”) conservatism was not just a pragmatic political expression of narrow corporative opinion of royal court surrounding, a kind of official dogma, but the idea that influenced Russian political doctrines greatly, justifying the role of Karamzin as the founding father of Russian conservatism.

Keywords: N.M. Karamzin, Russian Absolutism, Russian Conservatism, «Khranitel'stvo».